СЕЛЬСКАЯ БОЛЬНИЦА

Кастеренский район вполне законно может гордиться Ново-Успенской районной больницей. Больница славится замечательным уходом за больными.

Широкой популярностью пользуется заведующий этой больницей врач Людвиг Станиславович Понятовский. Врач Понятовский—это простой, скромный, вежливый, любящий свое дело человек.

Людвиг Станиславович—большой мастер своего дела. Из многих фактов, подтверждающих это, приведу один.

В марте 1941 года в больницу поступил больной П. Анышев из Кастеренского района с признаками общего воспаления брюшины. Температура понижена, пульс слабый и очень частый. У больного — упадок сил, надежд на сохранение жизни мало.

Врач Понятовский сделал очень сложную по своему характеру операцию. Больной уже на следующий день чувствовал себя гораздо лучше.

Сейчас П. Анышев работает. Выписываясь из больницы, он не мог подобрать слов для выражения искренней благодарности врачу Понятовскому, сестрам и санитаркам. Да и как не благодарить, когда человек, потерявший всякую надежду на жизнь, выздоровел и вернулся к работе!

Врача Понятовского можно видеть в больнице и днем, и вечером, и ночью. Он не только хороший врач, но и образцовый хозяйственник. Больница до прибытия в нее Понятовского представляла неприглядное зрелище. Стены зданий были ободраны, глина осыпалась, в некоторых зданиях почти не было крыш. Водокачка подверга была какими-то костылями. Стены в кирпичном здании кухни были ободраны, окна разбиты.

Теперь больница имеет совсем другой вид. Здания восстановлены, приобрели культурный облик. Производительность водокачки увеличена с 50 до 200 ведер воды в час. Всюду виден хозяйский глаз.

В больнице с приездом Понятовского регулярно начал работать рентгеновский кабинет, оборудованный дополнительной аппаратурой. Открыта клиническая лаборатория. Эти мероприятия чрезвычайно важны в условиях района.

В этом году на участке больницы будут посажены деревья. Это замечательное дело. Ведь просто обидно вспомнить, что имевшиеся раньше деревья были уничтожены. Выйти в летнее время в сад, подышать свежим и чистым воздухом—для больного это одно из замечательных лечебных средств.

Любовью и уважением со стороны больных пользуются фельдшерица Т. Христофорова, сестры П. Мельникова, Е. Понятовская, А. Чаленко, А. Синелобова, Л. Лемгер, санитарки М. Островская, А. Кузнецова, А. Кабанова.

Все сестры, строго выполняя назначения врача, быстро отзываясь на просьбы больных, проявляя любовную о них заботу, содействуют быстрому выздоровлению больных.

Коллектив больницы ведет большую санитарно-просветительную работу среди населения. К весенней посевной кампании они подготовили в каждом колхозе санитарных уполномоченных, помогли колхозам организовать детские ясли на время полевых работ: подобрали помещения, произвели учет детей, проверили наличие оборудования для яслей.

Врачи больницы консультируют больных по фельдшерским пунктам на территории участка и попутно проводят лекции и беседы среди населения на злободневные темы. На участке производятся предохранительные прививки. Работники больницы подготовили свыше 200 значкистов ГСО из призывников и учащихся старших классов.

Работники больницы—в большинстве молодые люди, недавно окончившие учебные заведения. Они выражают желание принять активное участие в общественной работе, но их, к сожалению, мало привлекают к этому. А ведь ясно, что медицинские работники на селе—большая культурная сила.

Райкому ВКП(б) и райкому ВЛКСМ следовало бы более внимательно прислушаться к общественным запросам медицинских работников. Ново-Успенская районная больница своей большой полезной работой заслужила право на уважение и внимание районных организаций.

Б. ГОРЛАЧЕВ.

УЧЕБНИКИ ДЛЯ ШКОЛ ФЗО И РЕМЕСЛЕННЫХ УЧИЛИЩ

Коллегия Главного Управления трудовых резервов при СНК СССР утвердила план издания учебников и учебных пособий для школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ на 1941 год.

Всего будет издано 25 учебников разных наименований по общеобразовательному циклу, общетехническому циклу, по металлургии и горячей обработке металлов, машиностроению, деревообработке, электро-и радиосвязи, железнодорожному транспорту, горнорудному, железобетонному и т. д.

Общий тираж всех учебников—1.800 тысяч экз. Начата разработка плана выпуска учебников на 1942 год.

По материалам „Курской правды"

„Принимать в партию только достойных, передовых людей"

Так называлась корреспонденция, помещенная в «Курской правде» 20 мая 1941 года. Бюро Кировского райкома ВКП(б), обсудив эту корреспонденцию, признало критику совершенно правильной.

Бюро райкома потребовало от оргинструкторского отдела и секретарей первичных парторганизаций более тщательного оформления материалов по приему в ВКП(б), всестороннего изучения товарищей, вступающих в партию.

НА ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ

ПРИМЕНИМ У СЕБЯ ОПЫТ ПЕРЕДОВИКОВ СТРАНЫ

Нам выпала честь присутствовать на открытии Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в этом году и в числе первых ее участников на Курской области осмотреть павильоны.

Незабываемое впечатление, которое производит Всесоюзная выставка. Она просто поражает своим размахом. Нынче этот сказочный город стал еще красивее и богаче содержанием. Появились 2 новых павильона—Эстонской, Латвийской, Литовской ССР и Молдавской республики, которые привлекают множество посетителей.

По сравнению с прошлым годом, на выставке показано много нового. Вот вкратце то новое, что особенно привлекло наше внимание и что мы хотели бы применить у себя.

В павильоне «Механизация» представлены два новых типа сенорезки комбайна, которые могут быть применены всюду при большой влажности хлебов и дают чистое выполачивание зерна.

Представлен ленный окучник, который одновременно проводит и сухую подкормку. Применение его у нас при возделывании картофеля, капусты и других культур значительно облегчит подкормки и при меньшей затрате труда повысит урожай этих культур.

Передвижная зерносушилка ВИМ, которая показана на ВСХВ, дает возможность сушить зерно в любом пункте.

Большое будущее, несомненно, имеет универсальный культиватор, который одновременно делает сухую подкормку.

В павильоне «Зерно» число передовиков урожайности зерновых выросло почти вдвое. Нужно сказать, что не последнее место среди них занимают передовики нашей области: т. т. Багацкая, собравшая с гектара по 73 цент. ржи, Лапков—по 61 цент., Малофеева, вырастившая по 62 цент. яровой пшеницы и 527 цент. сахарной свеклы на гектаре.

Уральская опытная станция представила интересный снегонах, действующий не путем разгребания, а, наоборот, путем сгребания снега в валы. Для этого снегонах имеет спереди захват в 1,7 метра, постепенно суживающийся к выходу снега до 50 см. Это дает возможность получить гребень уплотненного снега, что ускоряет снегозадержание и делает его более эффективным.

Решающим условием получения высокого урожая зерновых является внесение органических удобрений в сочетании со всеми приемами агротехники: высокое качество семян, перекрестный сев, боронование всходов, подкормки, своевременная борьба с сорняками. Это подчеркнуто на выставке при показе опыта получения лучших урожаев в колхозах и совхозах.

Звеньевая колхоза «Ленинский путь», Воронежской области, тов. Карапчева сеяла просо на заливном участке ленточным способом, с расстановкой сошников между лентами на 20 см. и между рядами в ленте 11 см.; производила двухкратную прополку тяпками, использовала перепревший навоз под основную вспашку, птичий помет и минеральные удобрения в подкормки, которых она сделала две. Ее звено получило урожай проса в 80 цент. с гектара.

Познакомились мы с опытом работы по улучшению лугов знаменитого звеньевого Бурят-Монгольской республики тов. Герасимова, который получил урожай сена по 100,7 цент. с гектара, и герасимовки тов. Крыловой, получившей по 103 цент. сена с гектара. Этот урожай получен, главным образом, благодаря применению органических и минеральных подкормок трав.

На участках герасимовцев пастьба скота совершенно не допускалась.

В колхозе «Победа», Ленинского района, нашей области, в прошлом году было собрано по 67 цент. сена с гектара благодаря коренному улучшению лугов, целому комплексу агромероприятий. Но подкормок не применяли. В этом году применим опыт Герасимова и Крыловой и надеемся получить высокий урожай.

В овощеводстве большого внимания заслуживает опыт работы агронома тов. Дергач (Днепропетровская опытная станция). Он собрал помидоров по 1200 цент. с гектара. В хорошо удобренную почву высаживались помидоры на расстоянии 20 см. друг от друга в ряду с междурядьями в 60 см. При этом тов. Дергач высаживает на гектар 80 тыс. помидоров вместо принятых 16 тысяч. При образовании первого цветка он пригибает куст к земле и прикалывает его. Образуются новые корни. После образования второго цветка делается вторая прикопка и так до 9 раз, причем кусты направляются в сторону междурядий. При созревании помидоров пожелтевшие листья удаляют для ускорения созревания, увеличения световой площади и предотвращения грибных заболеваний.

Этот опыт мы также обязательно применим у себя.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка многому учит, мобилизует на новые победы. Главное в том, чтобы широко распространить богатый опыт, показанный на выставке. Это мы ставим своей задачей и вместе с тем надеемся, что в борьбе за урожай в этом году займем в нашей области не последние места.

Интересной была встреча курян с передовиками сельского хозяйства Воронежской и Орловской областей, организованная на выставке 29 мая. Лучшие передовики поделились своим опытом. В их числе из наших передовиков рассказали о своей работе звеньевые тт. Малофеева, Багацкая, Богомазова и другие. Встреча прошла оживленно и принесла нам всем большую пользу.

Во время этой встречи бригадир колхоза им. 1 Мая, Ленинского района, нашей области, тов. Коржавин и воронежская звеньевая т. Голяринова заключили договор соревнования на получение в этом году с однолетних плантаций по 40 цент. сырых корней и 50 кгр. семян кок-сагыза.

Теперь с новой зарядкой возьмемся за работу!

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка.
На снимке: депутат Верховного Совета СССР П. Ангелина с группой участников выставки от Курской области (слева направо): А. Д. Ефремов—звеньевой колхоза «Колос», Медвенского района, К. В. Желтикова—звеньевая колхоза имени Молотова, Ясеновского района, депутат Верховного Совета СССР П. Ангелина и П. К. Малофеева—звеньевая колхоза имени Кирова, Беловского района. Фото ТАСС.

Участники Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1941 года:

М. КРЮЧКОВ,
главный агроном Ленинского райземотдела.

П. МАЛОФЕЕВА,
звеньевая колхоза им. Кирова, Беловского района.

Т. ХРИСТОЕВ,
агроном колхоза «13-я годовщина Октября», Льговского района.

У СТАХАНОВЦЕВ-ОВОЩЕВОДОВ

Овощеводы колхоза имени Сталина, Сапоговского сельсовета, Стрелецкого района, обрели себе славу не только в районе, но и в области. Из года в год здесь собирают от 300 до 500 центнеров овощей с каждого гектара. В прошлом году от овощеводства артель получила 153.660 рублей, что дало возможность, кроме продуктов, выдать на каждый трудодень по 4 рубля 75 копеек.

За стахановскую работу бригадир по овощеводству Андрей Иванович Зинеев в третий раз утвержден участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Утверждены участниками выставки также звеньевые И. И. Бочаров и Г. А. Сапгиков.

Воодушевленные постановлением партии и правительства о дополнительной оплате, овощеводы колхоза взяли на себя новые обязательства. Решено вырастить по меньше чем по 300 цент. с га помидоров, огурцов и моркови, по 200 цент. лука, по 500 цент. ранней и по 700 цент. поздней капусты.

Обязательства подкрепляются делом. Вовремя были заложены парники, пущена в производство новая теплица.

В парниках и теплице выращено и сдано государству уже несколько центнеров редиса и зеленого лука. Прекрасные огурцы посланы в Москву на сельскохозяйственную выставку.

С наступлением тепла огородники вышли на открытый грунт. На 25 гектаров, занятых овощами, внесено 500 тонн хорошо перегнившего навоза. Почва вовремя и хорошо обработана. Закончились посадки лука, картофеля, моркови. Перед посевом под культивацию колхозники внесли в почву суперфосфат, калийную соль, селитру. На высоком уровне агротехники произведен посев столовой свеклы.

В колхозе нет специальной машины для посадки капусты. Чтобы увеличить производительность труда и сэкономить время, здесь так организовали труд: Мария Волобуева делает лопатой лунки и кладет в них минеральные удобрения; за ней следом идет Мария Лентинова и сажает капусту, заделывая корень растения землей; Тоня Зинеева поливает, а Наталья Фирсова, которая идет сзади всех, присыпает лунки сухой дорожной пылью, чтобы земля быстро не солка. Дело в звене спорится. Каждая колхозница за день садит по 4000 корней вместо 3500 по норме. Посадки подходят к концу. Идет посадка ранних помидоров, огурцов. Раньше колхоз не имел своих семян овощных культур, сеял тем, что удастся приобрести на рынке. Нынче колхозники, выполняя решение районной агротехнической конференции по овощеводству, заложили впервые свои семенные участки овощных культур, сделали высадку кормовой и столовой свеклы, лука.

Бригадир тов. Зинеев и звеньевые тт. Сапгиков и Бочаров организуют борьбу с сельскохозяйственными вредителями.

И. АВДЕЕВ,
сотрудник райгазеты «Свободный труд».

А. М. ГОРЬКИЙ

ГОРЕМЫКА ПАВЕЛ

(Отрывок из неизданной повести)

Повесть «Горемыка Павел» написана А. М. Горьким в 1894 году и является первым большим произведением великого русского писателя. Повесть никогда не издавалась отдельной книгой и не входила ни в одно из собраний сочинений Горького.

В 1894 году «Горемыка Павел» печатался в ряде номеров нижегородской газеты «Волгарь». До последних дней повесть оставалась неизвестной широким кругам читателей.

В повести «Горемыка Павел» рассказывается о тяжкой доле подкидыша Павла (Паньки), всеми гонимого и презираемого. Подкидыша приютил у себя будочник Арефий. Лишившись впоследствии своего приемного отца (Арефий сходит с ума), Павел идет «в люди». Писатель дает яркие образы людей, с которыми Павел сталкивается на своем жизненном пути.

Повесть «Горемыка Павел» печатается в № 4 журнала «Новый мир».

Вот ему уже девятый год. Он невелик ростом, очень худ, неуклюж, молчалив, и глаза его не по-детски холодны и разумны. Они с Арефием прекрасно понимают друг друга, и поэтому молчание каждого более или менее красноречиво говорит другому. Панька учится грамоте у Арефия. Была сделана попытка ходить в приходское училище, но она окончилась печально. Панька не вытерпел более десяти дней отношения к себе товарищей по школе и на одиннадцатый, разбуженный Арефием словами «вставай, пора в школу», поднял голову с подушки и, пристально посмотрев в лицо Арефию воспаленными от бессонной ночи глазами, проговорил первую со дня своего рождения длинную речь:

— Не пойду я больше туда, хоть утопи, хуже собаки паршивой я там. Только и зову, что крапивник, подкидыш, рябой чорт. Не пойду, как хошь. Дома я лучше буду. Не люблю их я, никого не люблю. Всегда буду драться с ними. Третьего дня нос расквасил учителеву сыну, а учитель-то меня на колени—на час целый. Еще расскажу, всем расскажу, ставь—на! А когда меня побьют, так ничего, я молчу, и на колени никого не ставят. Не пойду я больше, как хошь!

Арефий смотрел на рябое детское лицо, теперь еще больше искаженное злобой и негодованием, и молчал, а когда Панька кончил говорить и снова с упрямой и вызывающей миной ткнулся головой в подушку, он коротко, но так, что в окнах дрогнули стекла, бухнул: «Не ходи!.» И при этом так внушительно посмотрел в ту сторону, где было училище, что Панька дрогнул и закутал голову в одеяло.

Больше в школе не подымалось речи. И учение пошло с грехом пополам дома. Панька учиться не любил и садился за книжки, как за трудную и неприятную работу, а Арефий, преподавая ему грамоту, не мог, несмотря на свое желание, оживить мертвые буквы и слова.

Каждый день после чая Панька с хмурым лицом снимал с полки книжки, садился за стол, опершись локтями о колени, ущемлял свою голову в ладони и начинал качаться взад и вперед, вправо и влево, при этом бормоча что-то очень неясное и далеко не музыкальное.

Единственным результатом этих приемов было то, что птицы в клетках сначала умолкали и беспокойно переглядывались друг с другом, а потом вдруг, по сигналу одного задорного чижа, снова принимались свистеть и щебетать на разные лады, как бы обуреваемые злостным намерением выбить мальчика из тесной колеи научных занятий. Они в этом быстро успевали.

Панька отрывал голову от книг и начинал тихонько подсвистывать сначала одному чижу, хорошему певуну, потом некоторое время густым свистом дразнил снегирей, затем подзадоривал щегла, скребя одним ножом по обуху другого, и, наконец, когда в будке подымался невероятный гам, он вставал на лавку и занимался со скворцом.

Это делалось так: в клетку просовывалась лучина, и этой лучинкой скворец получал несколько щелчков по носу, что его всегда приводило в большое беспокойство. Он очень нелепо прыгал на одной ноге по клетке, хлопая крыльями и стараясь поймать проклятую лучинку клювом. Редко он достигал этого и, если достигал, то, потеребив ее, снова погружался в скептическое молчание, из которого его уже не могла вывести лучинка, а не достигая,— оглашал будку своим свистом, который от времени приобретал все больше и больше демонстративный характер.

На этом успокаивался Панька и снова садился за книги, но уже не смотрел в них, а смотрел прямо перед собой сквозь стену, и чем больше он упражнялся в этом, тем шире, глубже и осмысленнее становился его взгляд. О чем он думал, едва ли было понятно и ему самому. Есть думы без физиономии и форм; это не мешает им быть тяжелыми и отравляющими сердце преждевременным знанием тех сторон жизни, не знать которые было бы большим счастьем, если б не было трусостью и не делало людей глупыми.

И так, под неугомонное щебетанье птиц, Панька сидел часа по два. Потом приходил Арефий и спрашивал урок. Панька покойно усаживался на скамье и, тупо нажимая пальцем на строки в книжке, выдавливал из них такие сентенции:

— Пы-лой пы-лит...

— Погоди! — останавливал его Арефий.—Должно быть, не так это. — И, придвигая к себе книжку, шевелил губами.—Не так! Ну-ка, еще читай.

—Пы-лой пы-лит, а иглой шьют...

— Ну... Пилой ведь написано... Что делают пилой?

— Пилой?—подымал глаза к потолку, соображал Панька. — Дрова пилят.

— Ну, вот видишь! А ты читаешь: пылит, чай это иже, а не еры.

— Да тут не написано про дрова-то.

Арефий на некоторое время задумывался о том, куда девать дрова, мешающие уяснению научных сведений. Панька ежился и заявлял:

— Я ведь знаю все это. Иглой—шьют, топором — рубят, а пером пишут, а вот читать это не умею. Маленькие больно слова-то. И все разные.

Арефий молча соображал; глядя в книжку, прочитывал наивнейшие фразы, и то сомневался в их развивающем и поучающем значении, то удивлялся премудрости составителя книжки, который, по его мнению, подозревал Паньку в предположении, что пилой шьют, а иглой пилят.

В таком порядке и характере проходил час урока. Арефий задавал Паньке повторить зады и еще «от этого места до этого», и затем оба, вспотевшие от научных трудов, садились обедать. После обеда Арефий ложился поспать, а Паньке приказывал поглядывать в «коли что», так сейчас же разбудить его.

Панька одевался и выходил на улицу. С улицей он жил далеко не дружно. Его молчаливый, угрюмый характер не привлекал к нему симпатии сверстников, а сам он, втайне завидуя их веселью и играм, не решался пойти им навстречу. Впрочем, было сделано несколько попыток завязать дружественные сношения, но все они кончались почему-то гомерическими драками и обоюдным озлоблением. Панька не умел увлекаться живой прелестью игр и ко всему относился слишком рассудочно и взрослю, это производило на всех охлаждающее и неприятное впечатление. Его избегали, наконец, он это чувствовал.

А однажды вышел такой случай: отправились в лес за грибами, и Панька, любивший лес, умягчавший его и навевавший своим меланхолическим шумом на его душу много теплых и мягких дум, незаметно отбился от товарищей в сторону. Бродя между деревьев и пристально оглядывая землю, он мурлыкал песню, наслаждался теплым и сочным запахом перегнивших листьев, шорохом травы под ногами и бойкой жизнью букашек, муравьев... Издали до него доносились голоса товарищей.

— А где же подкидыш? — крикнул кто-то.

— Вот больно нужно! не потеряется, не бойсь!

— Всегда надутый, как сыч или как будочник Арефий...

— А может, будочник и есть его отец?

И ребята звонко засмеялись.

Паньке стало холодно и темно от этих фраз. Он осторожно пошел вон из леса, чувствуя себя обиженным; но скоро эта обида перешла в злость. Ему захотелось отомстить, и он чувствовал себя вправе сделать это.

Тогда, выйдя на опушку, он крикнул во весь голос тоном радости и интереса:

— Эй, братцы, айда скорей! Что я нашел! — А когда к нему на голос выбежали двое, он бросился на них и, отколотив обоих, ушел, сопровождаемый руганью и оскорблениями. Все время до самого города они шли в отдалении от него и ругались, смеялись над ним, боясь подойти ближе, ибо он был силен, и вступать в открытый бой с ним было опасно, в чем им не раз приходилось убеждаться.

А Панька пришел домой и тоскливо задумался о чем-то. Арефия не было дома, наступал вечер, в будке было темно и тихо. Тишину нарушали только заблих и чиж, недавно приобретенные и еще не успевшие обжиться. Они привлекли внимание Паньки. Он долго смотрел, как они прыгают в клетке, просовывают головы сквозь прутья, и вдруг, быстро вскочив на стул, снял клетку и, отворив дверцу, высунул ее в открытое окно. Птицы быстро улетели. Панька даже не заметил, как это было; отвлеченный в сторону чем-то другим, он снова сел за стол и, положив голову на руки, снова задумался...

Пришел Арефий.

— Выпустил и птиц-то, — встретил его Панька. Он сказал это вызывающим тоном, и взгляд его сверкал вызывающе.

Арефий посмотрел на стены, потом в лицо Паньки и коротко спросил:

— Зачем?

— Так! — все с тем же выражением в тоне и глазах ответил Панька.

— Ну... твое дело.

— А ты что ж не поругаешь меня?—задорно заявил Панька.

Арефий поднял брови и усы кверху и пристально посмотрел в лицо приемыша.

— Разве я когда тебя ругал?—грустно вдруг он и стал гладить себя по колену ладонью.

— То-то, что нет. А все ругают. Уже и ты бы, что ли вальнул. Все уж равно.

Арефий смущенно зевал по лавке. Панька смотрел на него совсем взрослым и очень злым человеком.

Воцарилось тяжелое молчание. Даже птицы, казалось, присмирели и слушают, что будет дальше. Но дальше ничего не следовало, кроме того разве, что Панька подобрал под себя ноги и оперся спиной о стену.

Грязные старые часы, с желтым, заслиненным мухами циферблатом, отсчитывали секунды, однообразно кидавшие в бездну вечности, и были, очевидно, страшно утомлены этой обязательной работой; лениво качавшийся маятник тихо и уныло взвизгивал, вызывая этим звуком у таракана, сидевшего на стене, насмешливые движения усами. Красный луч заходившего солнца пробился сквозь кусты бузины в окно будки и бросил на ее пол светлые, колеблющиеся пятна.

— Выпустил птиц,— это ничего. Ту птицу, которая бьется в клетке, нужно выпустить, а если она привыкла, так и пусть ее сидит,—это уж не птица. Хорошую птицу всегда тянет на волю...

Панька поднял голову и посмотрел на Арефия.

— Это ты к чему?—спросил он.

— Так... ни к чему... Подумал, да и сказал... — смущенно ответил Арефий, теребя бороду и чувствуя себя в чем-то виноватым перед Панькой.

— Не сразу тоже скажешь так, как думаешь. Иной раз около своей-то мысли вертишься, вертишься, да и потеряешь ее, вся в куски разорвется... а что рассыпалось, того уж и нет.

— Ну,—внимательно вытягивая голову, вновь спросил Панька.

— Ну, и ничего. Уметь, мол, надо говорить-то. Давай-ка вот, Панок, почитаем житие Алексея божия человека.

— Давай!

Панька лег на лавке, немного разочарованный Арефием, в словах которого он чувствовал что-то новое; да и самых слов было сказано в этот раз много, что тоже было новостью. Арефий снял с полки кучку истрепанных книжек и, выбрав одну из них, положил ее на стол перед собой, и несколько минут спустя в будке плавал его густой бас, становившийся еще гуще по мере того, как возрастал интерес книги, и переходивший к концу ее в дрожащую густую октаву. Панька любил в это время лежать с закрытыми глазами и иллюстрировать книжку разными картинами. Так он представлял себе всех святых такими, маленькими и худыми, с громадными, сурово сверкающими глазами; их мучителей — здоровенными мужиками в красных рубахах, с засученными рукавами и в сапогах со скрипом; царей, гонителей христиан, — коротконогими толстыми господами, которым всегда страшно жарко, отчего они так и злятся. В основе его представлений лежали реальные лица: священники из монастыря, мясники-приказчики, жившие неподалеку, и частный пристав Гоголев. Панька брал самые выпуклые черты их характеров и физиономий и развивал их до того, что они совершенно теряли человеческое подобие и становились какими-то чудовищами, пугавшими своим безобразием самого создателя. Иногда скомпонованные им картины наводили на него ужас. Он открывал глаза и испуганно оглядывал будку. Прямо перед ним торчала громадная лохматая голова Арефия, от нее на стену падала громадная фантастическая тень, и вся будка была заполнена басистым гулом, из которого густыми, могучими вздохами иногда вырывались отдельные слова и фразы. Панька ловил их и не понимал, как могли из этих простых слов создаваться такие страшные картины мучений подвижничества и почему он, слушая эти слова, может видеть то, о чем они говорят. Он задумывался и снова торил нить истории... И, поглощенный своими думами, он так и висывал тут на лавке, против Арефия, увлеченного книжкой до полного забвения всего происходящего вокруг.